

АННА АБИНСКАЯ
САННА СЬЮ

ЗОЛОТАЯ РЫБКА *для*
МАЖОРА

Санна Сью

Золотая рыбка для мажора

«Автор»

2023

Санна Сью

Золотая рыбка для мажора / Санна Сью — «Автор», 2023

Я разумная и целеустремлённая девушка. Хочу заработать деньги на учёбу, получить образование и выстроить карьеру. Потом когда-нибудь обзаведусь семьёй и детьми. Для этого у меня есть всё! Прекрасная, хоть и очень сложная, но высокооплачиваемая работа в доме, где живут сливки общества. Казалось бы, какое им до меня дело? Но нет! Всем что-то надо. Особенно красавчику мажору. Он мне просто прохода не даёт, и это рушит все мои планы.

© Санна Сью, 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Санна Сью, Анна Абинская

Золотая рыбка для мажора

Глава 1

– Мама, я уже сто раз тебе объясняла, что не буду сидеть на вахте в подъезде! Я не консьержка, а ассистент консьерж-сервиса! – меня раздражает, что не все понимают, что такое консьерж-сервис, и моя мама в том числе.

Хотя откуда ей знать, что такое сервис в принципе? В нашем посёлке его отродясь не было, как и приличных магазинов. Да и денег у жителей для таких магазинов тоже не было и нет.

– Но ты разве за этим уехала в Москву? Ты же учиться хотела.

Говорю с мамой, заканчивая макияж перед зеркалом старенького трюмо. В моей комнате всё старенькое... кроме меня.

– А я и учусь, мам. Напомню, что уже получила диплом бакалавра. Но хорошее образование и стажировка стоят денег, – закручивая тушь, терпеливо разжевываю и раскладываю все по полочкам уже не знаю который раз, – и только в консьерж-сервисе я их заработаю достаточно быстро. Знаешь, какая там зарплата хорошая?! А конкурс?! Думаешь, туда всех берут?

Как бы не так! Я пробилась на собеседование лишь по знакомству! А как пришлось из кожи вон вылезти, чтобы понравиться эйчару, суровой женщине неопределённого возраста – вообще вспоминать не хочу! Но меня приняли, мурыжили месяц на обучении и только потом назначили на место. Сегодня у меня первая смена в клубном доме «Созвездие», где мне двенадцать часов предстоит побыть феей, золотой рыбкой и джинном в одном флаконе. Ассистенты-консьержи исполняют практически любые желания резидентов комплекса, будь то бронирование билетов на самолёт, покупка жирафа или добыча подснежников в новогоднюю ночь.

– Может, тебе денег выслать, Рит? – робко настаивает на своём мама. – Нам зарплату обещают повысить.

Едва держусь, чтобы не всплеснуть руками и не уронить телефон.

– Мамуль, ну ты что?! Я сама тебе лучше вышлю! – Смотрю на экране смартфона время, преодолеваю раздражение. – Так, все – мне выходить пора. Я чего тебе звонила-то... Пожелай мне удачи! Срочно!

– Дай бог, доченька! – благословляет мама.

Я чмокаю трубку и со спокойной душой спешу на выход. По дороге здороваюсь с занимающими очередь в туалет соседями. Я снимаю комнату в коммуналке, и такие собрания здесь не редкость. Отпрыгиваю от наглого серого Баси – как бы новые колготки мне не порвал, паразит толстый – и покидаю квартиру.

На улице поздняя весна, наконец, проглянуло солнышко. От этого настроение поднимается, и хочется всем улыбаться. Сегодня у меня дневная смена, и я уверена, что особо тяжёлых заданий не будет: только познакомлюсь с коллегами и клиентской базой – разве не радость? А вот завтра, когда заступлю в ночную, придётся сложнее. Но я к тому времени уже буду ориентироваться в комплексе и знать его резидентов. Ночные смены и выходные с праздниками считаются самыми тяжёлыми, но их и оплачивают по другому тарифу, так что я даже готова подменять всех желающих, если им будет надо.

Добираться до работы мне далеко, элитное жильё у метро не строят, но я все рассчитала заранее и к служебному входу в «Созвездие» подхожу за тридцать минут до начала смены.

Охрана на воротах уже проверила мои документы и доложила куда надо, поэтому старший менеджер встречает у двери.

– Маргарита, рад, что вы пунктуальны, – Михаил серьёзен, как секретный агент на задании.

Да и выправка у него военная, и форменный костюм с иголочки. Встретила бы на улице – подумала, что он какой-нибудь высокий чин в гражданском, но никак не менеджер в консьерж-сервисе. Впрочем, ещё месяц назад я о таком сервисе даже не слышала, а сейчас понимаю: абы кто тут не работает.

– Пунктуальность моё второе имя, – пытаюсь глупо пошутить.

Это все от нервов. Михаил, естественно, даже не улыбается. Ведёт меня по коридору вглубь тайных помещений клубного дома настолько торжественно, будто наш путь лежит к святому Граалю.

– Это женская раздевалка, – сообщает старший смены у одной из дверей и протягивает мне ключ-карту, – шкафчик подписан, форма внутри, жду вас здесь.

Нам ещё на курсах вбивали в головы, что работать придётся в шикарных местах и с богатыми людьми, поэтому не стоит всем увиденным восторгаться и смотреть клиентам в рот, боясь моргнуть. Наше поведение должно быть уважительным, но исполненным достоинства. Клиентам важно понимать, что они имеют дело не с холопами, а со специалистами высокого уровня. Вот Михаил мне наглядно и демонстрирует эту модель поведения, видимо, замечает, что я немного плыву от избытка впечатлений после прогулки от ворот до дверей.

А тут действительно есть от чего поплыть: территорию, да и сам комплекс, как будто перенесли в нашу столицу из какой-то тропической сказки – зелени много, фонтаны, дорожки, даже птицы поют... Удивительное место. Конечно, я впечатляюсь. Где такую сказку еще увидеть?

Но да ладно. Мотаю на ус и быстро переодеваюсь. Форма – белая блузка на пуговицах-жемчужинах с отложным воротником и темно-серая юбка карандаш до колен – сшиты для каждого сотрудника по индивидуальным меркам в дорогом ателье из качественных материалов. А чёрные лодочки на каблуке произведены известной заграничной фирмой. Свой телефон нужно выключить и убрать в ящик – личное общение на работе запрещено. Вместо любимого гаджета мне сейчас выдадут служебный со всеми необходимыми контактами и приложениями. Его я буду носить в неприметном тёмном чехле на ремне юбки.

Делаю всё по инструкции и тоже чувствую себя в этот момент спецагентом, не меньше. Проверяю перед выходом причёску – строгий пучок, никаких фриловых завитушек – и выхожу к Михаилу.

... Два часа стажировки проходят спокойно. Знакомлюсь с коллективом, с базой данных по клиентам, разбираюсь с новым телефоном, наблюдаю за поведением ассистентов и тем, как они обрабатывают редкие в раннее утро заказы, всё откладываю на подкорку – у меня в планах зацепиться за это место и стать незаменимым сотрудником. Успех сулит премии, а значит много денег.

Пока я уверена, что у меня всё получится. Резиденты ничего сверхъестественного не просят: кто-то захотел выгнать машину с подземной парковки, чтобы не спускаться туда самостоятельно. Кому-то потребовалось заказать вертолёт. Ещё одним клиентам приспичило сделать химчистку ковра в гостиной – ерунда, в общем. Естественно, всю эту работу делаем не мы, а специально обученные люди. Задача ассистента найти нужных профессионалов как можно скорее и проследить за результатом их работы. Но на то наша фирма и сотрудничает со всей столицей.

– Ох, как же я мечтаю о личном ассистентстве, Рита, – бурчит Зоя, приняв заказ на поиск и доставку в седьмую квартиру редкого кактуса. Меня приставили стажироваться к ней как

к лучшей сотруднице смены. – Это же счастье, когда у тебя один-единственный клиент и ты знаешь заранее все его заскоки.

Я удивляюсь – разве это выгодно? Я просматривала вакансии и обнаружила, что у личных ассистентов всяких разных боссов указанные в объявлениях зарплаты гораздо ниже наших. За ненормированный рабочий день, между прочим. А у меня всё же график: день, ночь, два дома.

– Но это же вообще адский труд без выходных, – возражаю я, – даже не труд, а рабство.

– Ничего подобного, – спорит тихонько Зоя, – никакого рабства. Никто не может заставить нас делать что-то незаконное или принуждать к интиму. А это уже не рабство. На все остальное я готова.

– А ради чего? – всё равно не понимаю я.

– Деньги, дорогая. Всё ради них. На личном контракте зарплата в пять раз больше, чем у нас сейчас. А про премии я вообще молчу. – Я восторженно втягиваю в себя воздух – ого! В пять раз! Это же просто нереальная сумма! – О, но вот только не дай бог к такому, как он. Это путь к финишу. – Резко меняет тон Зоя и косится влево.

Я прослеживаю её взгляд, в котором вспыхивают странные искры, и натыкаюсь на потрясающее зрелище.

Оказывается, в это время из лифта выходит... Я даже зажмуриваюсь на секунду, думая, что мне показалось. Распахнув глаза, понимаю, что нет, к нам действительно идет он – бог! По крайней мере, богов Олимпа я представляла именно так. И моя коллега пялится как раз на него. Но понять её можно, конечно. Я таких красавчиков только в кино видела. Обычно они там небожителей играют. Огромный, светловолосый и светлоглазый – точный цвет со своего места не разберу – идёт к нам и улыбается, демонстрируя ровные белоснежные зубы и ямочку на левой щеке. Интересно, кто он? Модель? Это в каком же модельном агентстве так платят, что он может позволить себе квартиру в «Созвездии»? Наверняка в международном!

А он, не прекращая улыбаться, подходит к нашей стойке:

– Доброе утро, зайки, – обращается ходячее божество к нам вальяжно, и голос у него такой стопроцентно мужской, бархатный, до мурашек пробирает. – Вечером у меня будет небольшая вечеринка. Человек на десять, не больше. Организуйте мне пять девочек из эскорта, пару-тройку стриптизерш, ну и закуски с напитками.

– Сделаем в лучшем виде, Григорий Эрнестович, – щебечет Зоя.

– Зая, называй меня Григорий и никак иначе, – отрезает красавец и переводит взгляд на меня, а он у него такой холодный-холодный, и глаза льдистые. Меня от них мурашками покрывает. – Смотрю, у нас новая зая появилась? Хорошенькая.

Я вспыхиваю, а он сверкает напоследок улыбкой, облизывает меня изучающим взглядом и покидает комплекс.

Только тогда я вспоминаю как дышать и очень надеюсь, что у меня получилось сохранить обязательное по инструкции выражение лица – уважительное и приветливое – а то ведь мне, пока он стоял рядом, хотелось одновременно пол слюной залить и округлить глаза от ужаса. Надо же быть таким неприкрыто обаятельным и порочным одновременно! Это сочетание сбивает с ног.

– Прекращай с такой тоской пялиться ему вслед, – со смешком толкает меня в бок Зоя, – вспомни про должностные инструкции.

– Да ну ты что?! Брось, – отмахиваюсь возмущённо, с трудом приходя в себя, – и в мыслях ничего подобного не было. Я просто ни разу не видела таких... – задумываюсь, подбирая эпитет.

– Наглых плейбоев? – подсказывает Зоя.

– Пожалуй, – киваю и задаю вопрос, который меня гложет: – слушай, а почему он меня тоже Заей назвал?

– Пф-ф, – прыскает девушка, – ты подумала, что он так моё имя переделал?

– Ну да.

– Ой нет, Рита. У Гесса все заи, малышки, крошки или детки. Абсолютно все. Не только услуга, но и девицы его круга. Объясняет он это склерозом на женские имена. Врёт, разумеется. Мы с девочками думаем, что виновато разбитое сердце. – Зоя делает большие глаза и переходит на заговорщический шёпот, – сколько тут работаю, никогда не видела, чтобы Гесс с кем-то серьёзно встречался.

– Станный он. Но ладно, его дело. Разве нам не запрещено обсуждать клиентов?

– Конечно, запрещено! Но должна же я тебя познакомить со всеми особенностями тех, с кем придётся работать. Так что внимательно слушай и запоминай...

И я всё-всё запоминаю. Смотрю, как ловко справляется с поручением Зоя. Заказывает девушек и ужин, точно зная не только названия напитков и блюд, но и требуемое количество блондинок, брюнеток, рыжих стриптизёрш и эскортниц. Видно, что ей не впервой. Опытная, что тут сказать. Но и я такой буду, обязательно!

– Зой, а другие соседи не возмущаются, когда этот Гесс вечеринки закатывает? – спрашиваю.

– Ну во-первых, в квартирах убойная звукоизоляция, а во-вторых, все же Гесс не подросток. – Согласна, на вид ему лет тридцать, а может, и больше, – у него всегда приличные оргии.

Усмехаюсь. Да-да, невероятно приличные и элитные.

Переключаюсь на текучку и забываю о Гессе.

В смене четыре ассистента и старший менеджер – это помимо клининга, разнорабочих и прочих сотрудников: курьеров, водителей и специалистов узкого профиля, работающих по вызову. Казалось бы, можно весь день в потолок плевать, ну что эдакого могут попросить жильцы сорока квартир? Они же не могут фонтанировать идеями постоянно. Ан нет, оказывается, что могут, и мы работаем до обеда в поте лица.

То с собакой погулять сходили, то согласовали доставку мебели и вывоз старой из квартиры, то заказали клиентке – модной писательнице любовных романов – доклады на весьма странные темы у соответствующих специалистов. Правда, зачем ей для книг в этом жанре понадобилось подробное устройство паровозов, верования австралийских аборигенов и проблемы детей от трех до пяти, я так и не поняла. Но, может, я просто в любви плохо разбираюсь.

И это, между прочим, факт. Некогда мне было в ней разбираться – карьера и финансовый успех превыше всего, а романтика – непростительная слабость восторженных дурочек.

Обед для нас накрывают в служебном зале ресторана, и отлучаемся мы из-за своей стойки строго по очереди. Зоя уходит на перерыв после меня, остальные ассистенты при деле, Михаил вышел на улицу с клиенткой, чтобы помочь ей разобраться с большущей детской машиной. Вот так и получается, что я остаюсь одна на ресепшен, когда из лифта выходит суровый расстрёпанный мужчина лет пятидесяти и решительно шагает напрямик ко мне. Я видела в базе его фотографию, но от волнения – всё же он у меня будет первым – из головы вылетает его имя и номер квартиры.

– Здравствуйте, чем могу помочь? – тем не менее говорю, улыбаясь во весь рот, когда он приближается к стойке и бахает об неё кулаки.

– Здравствуйте, Маргарита, – говорит сухо, но хотя бы не ленится имя моё прочитать на бейдже, – сделайте в квартире всё как обычно. Вернусь через пятнадцать минут.

И уходит, а я остаюсь в тихой панике! Вот и приплыли! Что *как обычно*? Несколько секунд длятся вечность, а потом я начинаю себя успокаивать. Спокойно, Рита! Думай головой! Для начала открой файл и найди, в какой квартире он живёт, а там, может, и пометку найдёшь о том, что обозначает «как обычно». Захожу лихорадочно в программу, квартиру нахожу – она расположена на четвёртом этаже, а владельца зовут Богдан Алексеевич Вязьмин, но вот дальше неудача.

Да, наша фирма во избежание утечки не хранит информацию о заказах на виду, зря я надеялась на подсказки. Но что делать? Бежать за Зоей? Она, наверное, ещё даже салат не доела. Спросить у других ассистентов? Кошусь на них – оба парня увлечённо с кем-то спорят по телефонам. Засада!

– Что, зая, растерялась? – Голос Григория Гесса звучит насмешливо, но на меня опять действует, как наркотик. Я поднимаю на него взгляд и теряю голову. – Зови грузчиков, бери ключ от квартиры Богдана и пойдём со мной, помогу.

Киваю ему зачарованно, нахожу в телефоне контакт разнорабочих и нажимаю вызов.

– В тридцать восьмую, *как всегда*, – говорю кодовую фразу, а сама не знаю, куда деть глаза.

Дай им волю, они будут рассматривать Гесса неотрывно. Что за напасть со мной такая?

– Сейчас будем, – рапортуют из трубки, – открывай.

Я беру в сейфе запасной ключ и выхожу из-за стойки. Григорий доволен непонятно чем, идёт и насвистывает что-то даже – не боится, что денег не будет, везёт ему. Вызывает клиентский шикарный лифт, пропускает меня вперёд и нажимает кнопку четвёртого этажа. Двери закрываются, и у меня начинает колотиться сердце.

Клаустрофобия? Огромная кабина внезапно кажется слишком тесной для нас двоих, а это уединение каким-то чересчур интимным.

Гесс не делает ничего особенного, просто опирается на стену лифта плечом и смотрит пристально, изучающе. Ну и немного насмешливо. Или с превосходством. Не знаю. Не могу точно определить его взгляд и начинаю гадать: почему именно этот мужчина на меня так действует?

Любовь с первого взгляда отметаю сразу же. Чуть ли не фыркаю, когда эта дурацкая версия приходит на ум. Глупость какая! Совершенно не про меня. Я в такое не верю. С чего бы кому-то влюбиться в незнакомцев? Получается, они ведутся на внешность? А вдруг любовь всей жизни окажется извращенцем или мерзавцем? Нет, внешность для меня вторична. Тем более на курсах нам неустанно рассказывали, что клиент – существо особенное и никак не является противоположным полом, и рассматривать его в этом качестве – табу. И я с этим постулатом всегда была полностью согласна!

Но что же тогда на меня накатывает в присутствии Григория Гесса? А может, у меня аллергия на его парфюм? Хм-м, не удивлюсь, он явно безумно дорогой, и кто знает, что таит в себе эта свежесть? Может, и феромоны... Рассмотрю подобный вариант позже, я ещё не надышалась.

Или мой мозг принял Гесса за звезду? Хотя нет, я как-то не замечала в себе раньше преклонение перед звёздами. А что если не звезда, а кто-то значимый? Точно! Если бы со мной в лифте ехал настоящий президент или, к примеру, живая Джоан Роулинг, я бы наверняка реагировала так же.

Непонятно только, почему я этого резидента клубного дома ставлю с ними на одну ступень, но да ладно. Главное, ответ на вопрос найден.

Мне даже дышать становится легче. Бросаю краснеть, бледнеть, расправляю плечи и поднимаю подбородок. Попустило вроде.

– Интересно влезть тебе в голову и узнать, что ты там себе надумала... – хмыкает Гесс, замечая случившиеся со мной метаморфозы. – Может, расскажешь?

Он отрывается от стены, резко упирается рукой чуть выше моей головы и нависает над ней. Моё сердце опять ухает. Вот же чудовище! Ему явно не нравится, что я пришла в себя! Гесс совершенно точно стремиться к возвращению своих позиций на прежний уровень! Нравятся ему, что ли, восторженные поклонницы? А ведь если прикажет, я подчинюсь...

Но мне везёт – не приходится этого делать. К счастью, лифт останавливается на четвертом этаже и открывает двери. Я пользуюсь предоставленным судьбой шансом на спасение, ныряю Гессу под руку и выбегаю из кабины.

– Спасибо за помощь, Григорий Эрнестович, – оборачиваюсь, отойдя подальше, называя его по отчеству, как положено, – дальше я сама. Как вы, наверное, знаете, я не имею права впускать посторонних, не вписанных в специальный список гостей, в квартиры резидентов.

Улыбаюсь строго выверенной, отрепетированной перед зеркалом, улыбкой и спешу к квартире номер тридцать восемь. Только прислоняю ключ-карту к замку, как приезжает грузовой лифт с двумя разнорабочими. Не знаю, это или что-то другое останавливает Гесса, но он за мной не идёт. Только смех его понимающий в спину слышу, но мне плевать. Радуюсь, что ноги унесла.

В холл квартиры Богдана Вязьмина входим втроём, и я украдкой оглядываюсь по сторонам. Все же впервые оказываюсь в такой шикарной квартире. До этого апартаменты миллиардеров только на картинках видела. Площадь помещения настолько огромная, что даже сложно прикинуть количество квадратных метров, но больше всего меня поражают скульптуры, статуэтки и картины, украшающие все стены, полки, тумбы.

Некоторые шедевры, наверное, даже статуями можно назвать, потому что высотой они достают до потолка. Потрясающе! Как в музее! А вот рабочих ничего не удивляет и не поражает, они прямоком идут куда-то вглубь квартиры. Я, естественно, за ними – я же главная! Нужно за ними проследить, проверить. Даже немного жаль, что не могу все хорошо рассмотреть.

– Ну вот я же говорил, что сёдня будет опять мужик, – слышу, как заявляет один из работяг другому, – с тебя косарь.

– Вот гад, что он на них заиклился-то?

О чём они там?

Я прохожу в комнату, похожую на мастерскую, и в первый момент чуть в обморок не падаю. Хватаюсь одной рукой за сердце, а другой прикрываю рот, чтобы не закричать. К подобному зрелищу жизнь меня не готовила... Надо срочно в полицию звонить! Да ну, какая полиция? Тут, похоже, всё куплено... Ох, мамочка! Куда я попала?

На полу стоят носилки, а на носилках лежит тело, накрытое белой простыней. И это явно мужчина, потому что его эрегированный орган поднимает ткань палаткой. Я опираюсь на наличник двери из какого-то наверняка дорожущего дерева и пытаюсь вздохнуть.

Раз, два, три... На четвёртый понимаю, что мужики, перешучиваясь, бодро поднимают носилки – они вообще не впечатлились. Моргаю, трясую головой и начинаю подмечать детали: крови нигде нет, рабочие будто рутинную работу выполняют, а в мастерской явно работают с гипсом, глиной и камнем. Боже, я так испугалась, что не сразу сообразила – это не труп! Сердце готовится выпрыгнуть из груди, а в виски ударяет пульс. Уф-ф! Какое счастье! Похоже, на носилках не человек, а очередное творение мастера. Чувствую резкую слабость в коленях от облегчения и ловлю себя на мысли, что такими темпами я скоро поседею. Зря думала, что буду получать огромную зарплату за плеву работу.

– Мы туда и обратно. Не закрывай квартиру, жди носилки, – кидает мне один из грузчиков, замечая, что я собираюсь уйти вместе с ними, – скульптор к ним особенно привязан.

Я возвращаюсь и пользуюсь возможностью рассмотреть коллекцию Богдана Вязьмина. Получается откровенно плохо, взгляд только скользит по экспонатам, но не запоминает детали. Я брожу и размышляю: какой же странный народ эти богатеи. Непонятные, как инопланетяне. Правильно нас учили на курсах: «Держите дистанцию и даже не пытайтесь понять клиентов. Вы никогда не станете ровней. Ваше дело выполнить распоряжение и всё. Ничего личного».

Глава 2

Усилием воли, прогнав попытки постичь душу миллиардеров, останавливаюсь у дизайнерской полочки из наверняка реликтового дерева, на которой выставлены изящные статуэтки. Тут собраны только девушки: скрипачка, балерина, арфистка, дева с кувшином, дама с собачкой... Красивые, а главное, все одетые. Никакой обнажёнки. Впрочем, как и у других произведений искусства, собранных в этой квартире. На картинах вообще одни пейзажи да натюрморты – это плохо сочетается с палаткой, которую я видела на носилках.

– Осуждаешь меня, да? – раздаётся за спиной наполненный вселенской болью голос.

Я подпрыгиваю от неожиданности и оборачиваюсь.

Это хозяин. И почему-то возвращается с пятнадцатиминутной прогулки он в совершенно другом настроении. Теперь при взгляде на него мне не кажется, что Богдан Алексеевич суровый и хмурый. Теперь мне хочется его сравнить с побитой собакой. Лохматой и несчастной.

– Я? Конечно, нет. С чего бы мне вас осуждать? – искренне удивляюсь вопросу.

– Осуждаешь, осуждаешь. Думаешь про себя, что я бездарь и убийца, но я никак не могу поймать его за яйца!

Обличает меня, надо признать, справедливо – именно так я про него и думаю. Но явно поехавший крышей резидент мигом перестаёт напоминать жалкого пса. Теперь я подмечаю безуминку в его глазах, и мне становится жутковато. Где там рабочие с носилками? Как бы им вторую ходку, но уже с настоящим – моим – трупом делать не пришлось.

– Кого поймать? – спрашиваю шёпотом.

С маньяками надо разговаривать, чтобы отвлечь. Это все знают!

– Идеального Аполлона, разумеется. Вот скажи, где, по-твоему, я должен его взять, Маргарита?

А мне-то откуда знать? Еле сдерживаюсь, чтобы не выпалить это безумцу. Но тут меня озаряет догадкой: кажется, он страдает по скульптуре, которую мужики унесли из квартиры в неизвестном направлении. Как только понимаю, что Богдан Алексеевич изнывает в творческих муках, костлявая рука ужаса, сжимавшая сердце, отпускает.

– В модельных агентствах искали? – деловито протягиваю страдалицу руку помощи в виде здоровой мысли. – Хотите, я оформлю заявку?

Заявка – это хорошо, особенно личная! У нас по ним даже план есть. Если у ассистента много личных заявок, с которыми клиент обращается только к нему, дают премию.

– Девчонка! Что бы ты понимала?! – патетически восклицает Богдан Алексеевич и запускает руки в волосы, дёргает чёрные с проседью пряди, ни капельки не жалея. – Я всех перебрал, всех! Не подходят! Понимаешь? Не подходят! Нет в них искры, – страдает так натурально, что я прям верю. Опускает обречённо руки, а потом вдруг заглядывает мне в глаза с какой-то детской надеждой. – Мне нужен Гесс, Рита. Скажи, ты можешь обеспечить мне голого Гесса в мастерской? А всё твоё агентство сможет? Любые деньги заплачу, только предоставьте мне Гришино тело. – Я непроизвольно шарахаюсь, и настроение творца опять меняется. – Ага, молчишь. Не можешь! Я так и знал!

М-да, губа у скульптора не дура, а вот мечты из ряда неосуществимых. Ну, во всяком случае, если и осуществимых, то точно не консьерж-сервисом.

– Богдан Алексеевич, а вы у него спрашивали? – осторожно уточняю. – Может, он бы согласился? Почему нет? По-соседски. Мне Григорий Эрнестович показался достаточно открытым, не страдающим комплексами мужчиной. Может, он захочет запечатлеть себя в веках в образе Аполлона?

Безумный скульптор хохочет, прям как натуральный Мефистофель, и я опять мечтаю о возвращении работяг с носилками.

– Он презрительно рассмеется мне в лицо! – бросает горько и, резко оборвав смех, опять смотрит мне в глаза жёстким взглядом бизнесмена. – Но если ты сможешь его уговорить мне попозировать, Маргарита, я тебя так щедро отблагодарю, что ты никогда в жизни об этом не пожалеешь!

– Я? Да он и слушать меня не станет, – пытаюсь вернуть в реальность фантазёра.

– Станет-станет, ты красивая, а Гриша падкий, – Вязьмин говорит быстро, лихорадочно, словно и вправду верит в то, что я способна уломать для него Гесса.

Мне хочется бежать от безумца, теряя рабочие туфли, но я креплюсь и сохраняю на лице нейтральное выражение. И даже лёгкую улыбку умудряюсь удерживать. Но тут являются, наконец, мои спасители с носилками, и я выдыхаю:

– Я обязательно подумаю над тем, что можно сделать, Богдан Алексеевич, – заверяю клиента со всей искренностью, – а сейчас, к сожалению, вынуждена вас оставить. Работа!

Спешу убраться с его глаз подальше. Создаю видимость бурной деятельности: иду за мужиками, типа проверяю, как они носилки на пол поставят. Правильно или нет. А потом с невероятным облегчением желаю хорошего дня хозяину и покидаю квартиру.

«Дурдом» надо было назвать этот комплекс, а не «Созвездие».

В холл спускаюсь в лифте для сотрудников и спешу к нашей стойке, где собрались все четыре ассистента во главе с Михаилом. Зоя смотрит на меня обеспокоенно, а старший менеджер грозно. Ох, мамочки! Ругать будут? Я что-то сделала не так?

Подхожу, не подавая вида, что внутри всё дрожит от ожидания взбучки, улыбаюсь. Мне кажется, я вечером перед сном буду принудительно стягивать губы в обычное положение, потому что за двенадцать часов рабочей смены мышцы лица заклинит напрочь.

– Всё хорошо? – спрашивает Зоя. – Ребята сказали, что ты уехала в лифте с Григорием Гессом.

Нормальные? А мне даже слова не сказали против, когда я уходила!

– Да, всё в порядке, – сообщаю беззаботно. До сих пор не верится, что коллеги выглядят такими странными из-за моей поездки в лифте с резидентом. Это ведь не запрещено. Я точно знаю. – Вязьмин дал поручение сделать «как обычно», ребята были заняты, а Гесс подсказал, что делать.

Отчиталась твёрдо, не теряясь и не мямля, давая всем понять, что вполне себе сообразительный и компетентный сотрудник.

– Надо было меня позвать, – ворчит Зоя, но уже с явным облегчением.

– Маргарита, тем не менее хочу ещё раз предупредить вас об инструкциях, репутации и Григории Гессе, – берет слово Михаил. – Вы у нас новенькая и не знаете, что с этим клиентом нужно быть особенно осторожной. Как бы так выразиться... он может легко скомпрометировать молодую симпатичную девушку.

– И не только молодую, – перебив, дополняет слова менеджера ассистент по имени Виталий.

– Верно, – не обижается за это на него Михаил. – В общем, сотрудницы женского пола стараются контактировать именно с этим клиентом только в общественных местах.

Такое впечатление, что Григорий Гесс монстр. Что же надо было сделать, чтобы заработать подобную репутацию? Поиметь половину obsługi?

– Я вас поняла и впредь воспользуюсь вашими рекомендациями, – киваю серьёзно и занимаю рабочее место за стойкой.

Пока с заказами спокойно, погружаюсь в изучение файлов: надо запомнить всех обитателей сорока квартир по именам и даже их питомцев по кличкам. Но через пару минут понимаю, что мозг не работает, а всё потому, что на душе как-то беспокойно.

Известие что Гесс смотрит абсолютно на всех так же, как на меня в лифте, неприятно. Оно будто окунает мою самооценку в лужу. Но с чего? Хочется отвесить себе затрещину.

Неужели я думала, что поразила этого красавчика в самое сердце? Надо быть круглой душой, чтобы к такой мысли прийти. И головой я так точно не думаю, а вот сердцем... С сердцем, похоже, проблемы. Кошмар! Надо с этим срочно завязывать!

Строгая беседа с самой собой на тему жизненных целей и их приоритетов приносит результат, и я выбрасываю из мыслей всякие глупости о красавцах. А вот про заскоки резидентов лучше узнать подробнее.

– Зой, а вот этот Вязьмин, он болен, да? Мне кажется, у него обострение, может, доктора стоит вызвать?

– Нет, это его обычное состояние, – отмахивается опытная коллега. – Человек такой просто. Но он не опасный, не волнуйся. Миша даст тебе на днях красную секретную папку на изучение, там на каждого нашего клиента собрано подробное досье и психологический портрет.

О! Вот это очень интересно!

– А почему не сегодня?

– Несколько дней тебе даётся на знакомство с резидентами. Так ты потом быстрее запомнишь важные детали из папки о каждом из них. Ведь доступ к секретным документам ты получишь всего на несколько часов. Выносить бумаги нельзя, фотографировать или конспектировать тоже. Охраняют папочку похлеще золотого запаса страны, – многозначительно подмигивает мне Зоя.

– О, понятно.

Зудит от любопытства и, естественно, я расстраиваюсь из-за того, что прямо сейчас не могу окунуться в тайны... Гесса. Тьфу ты! Опять я о нём.

– Но кое-что обязательное и не слишком секретное я тебе рассказать имею право прямо сейчас. Так вот, Богдан Алексеевич, когда творит не на заказ, а для души, всегда такой – творческая личность, что с него взять? Представляешь, у него за городом есть участок, который он называет «Кладбище погибших шедевров». И именно туда наши сотрудники вывозят неудачные, по его мнению, работы и выстраивают их рядами.

– Жуть какая, – впечатляюсь я.

– Да не, нормально. Парни говорят, что там забор метра три высотой и никого это место не пугает.

– М-да, ну да бог с ним, с Богданом Алексеевичем. Про кого я ещё должна знать что-то важное? – задерживаю дыхание в дурацкой надежде, что сейчас Зоя начнёт рассказывать про Григория.

– Ну вот хотя бы резиденты из двадцатой... – Сдерживаю разочарованный вздох. – Там живёт шведская семья...

– Дипломаты, что ли? – поддерживаю разговор, даже себе не признаваясь, что про других жильцов мне особо и не интересно что-то знать.

– Да ну какие дипломаты, Рит? Два мужа и одна жена. И детей у них на троих трое.

Округляю глаза. Никогда не думала, что у нас в столице могут вот прям так открыто жить подобные семьи. Надо же какой разврат творится прямо под носом добропорядочных граждан. Хотя мне всё равно. Я их вообще не осуждаю.

В общем, до окончания смены я убеждаюсь, что удивительное рядом, ещё не раз, а вот Гесса и Вязьмина больше не вижу.

Рабочее время подходит к концу, когда вечеринка Григория ещё даже не начинается. Мы передаём его вместе с мероприятием по смене и разъезжаемся по домам до завтрашнего ночного дежурства. Я устала, но ловлю себя на том, что мне хочется вернуться в «Созвездие» как можно скорее. Всё же интересная у меня работа.

Глава 3

На следующий день собираюсь на смену как на праздник. Зачем-то надеваю парадно-выходной комплект белья, а вместо колготок чулки. Причёске с макияжем тоже уделяю времени больше, чем обычно. Ресницы крашу не в два слоя, а в три и даже завиваю их перед нанесением туши. Брови укладываю щеточкой и специальным гелем, а губы подчёркиваю контурным карандашом, хотя сто лет этого не делала и обходилась одним блеском.

Наносить макияж я училась на курсах, которые прошла ещё в универе. В ту пору у меня случился короткий сдвиг в сторону личной жизни – понравился один старшекурсник, – но ничем хорошим дело не кончилось, поэтому я вернулась к старым ценностям и «рисовать» лицо предпочитала за пять минут. А тут вот опять свернула на кривую дорожку. Ещё и вырядилась в кокетливое платье, а сверху надела выходную кожаную курточку. Вот на кой? Всё равно же в форме работать буду.

Понимаю, что это плохой знак. Что все мои ухищрения выглядят глупо, но нахожу им тысячу оправданий. Главное из них: самооценка поднимется, и я буду чувствовать себя увереннее. Из безликой заи я превращусь обратно в Маргариту. Вполне себе симпатичную блондинку с выразительными зелёными глазами – мне про них всегда так говорят. А еще у меня фигура хорошая и вообще я умница.

В метро ловлю восхищенные мужские взгляды и перестаю ругать себя за допущенную во время сборов слабость. Мне повышенное внимание противоположного пола действительно помогает взбодриться, и к «Созвездию» я подхожу уверенная в себе и в прекрасном расположении духа. Показываю охранникам пропуск и опять оказываюсь на территории тропической сказки. Как будто в другой мир перемещаюсь, честное слово.

На улице смеркается, где-то вдалеке журчит фонтан, в воздухе разливается аромат весенних цветов, ведь даже тут, на заднем дворе, вдоль дорожки, ведущей к служебному входу, кругом бутоны и зелень. Иду, любуюсь, никого не трогаю, и тут... из кустов выскакивает огромная тень!

Я вскрикиваю и подпрыгиваю на месте.

– Да не бойся ты так, зая! Телефон есть? Дай позвонить.

Фух, блин, это Гесс! Как он здесь вообще оказался? Это места обитания obsługi. Укравшей оглядываю резидента.

Выглядит он, как и вчера – потрясающе. Особенно когда на свет выходит. Но всё равно что-то с мужиком не то. Джинсы сидят низко, рубашка расстегнута чуть ли не до пупа, а причёска растрепанная, будто из кровати только что вылез, да и глаза мутные. Но, естественно, мы не в тех отношениях, чтобы я могла задать ему прямой вопрос типа «Ты что, второй день бухаешь, что ли?» Поэтому я просто лезу в карман, достаю телефон, снимаю блокировку и протягиваю ему.

– Добрый вечер, Григорий Эрнестович. Вот, пожалуйста. Надеюсь, у вас все в порядке?

Отвечать мне он не намерен. Хватает гаджет, набирает по памяти номер и, когда на том конце отвечает женский голос – мне слышно, динамик хороший, – как-то весь подбирается на глазах.

– Через час буду тебя ждать в нашем месте, – говорит глухо и как-то зло, – попробуй только не приди – и папаша устроит тебе весёлую жизнь.

С ума сойти! С кем это он так мило общается? Стою в шоке. А он стирает историю вызова, отдаёт мне трубку и резко становится самим собой: обаятельным раздолбаем и бабником.

– Спасибо, зая! Ты меня спасла, – мурлычет, словно кот, – за мной должок. Хочешь, я тебя поцелую?

Вот же козёл! Накатывает острое желание спустить его с небес на землю.

– Благодарю за лестное предложение, но вынуждена отказаться, – говорю с дежурной улыбкой. – Боюсь не пережить потрясения от счастья, а мне ещё работать.

Бочком, бочком, по краю дорожки обхожу Гесса и спешу унести ноги.

В спину раздаётся глубокий, хриплый смех.

Хорошее начало смены, нечего сказать! Опять буду голову ломать, что бы это значило. А может, выпросить у Михаила красную папку уже сегодня? Сказать, что у меня феноменальная память, я всех резидента уже запомнила и готова к изучению секретных досье? К сожалению, нет – память хорошая, но не феноменальная. Нет, не буду просить! Любопытство, Рита, сгубило кошку. Пусть все идёт своим чередом.

Сегодня менеджер меня у дверей не встречает, зато в раздевалке застаю Зою. Коллега стоит босиком и застегивает блузку, которая выгодно подчёркивает её формы. Зоя чуть постарше меня, очень привлекательная рыжеволосая девушка, но это неудивительно – в консьерж-сервис отбор ведётся и по внешним данным тоже.

– О, привет! Как настроение? – радуется она моему появлению вполне искренне. – Готова к бессонной ночи?

– Конечно! Специально днем поспала, – улыбаюсь Зое открыто, а сама еле удерживаюсь от вопроса о Гессе.

Она, судя по всему, прошла мимо тех кустов незадолго до меня. Интересно, Григорий просил у неё телефон или пришёл позже? А может, он ждал именно меня? Сердце ёкает. Да что ж такое?! Реагирует, дурное, так, будто этот красавчик мне букет подарил, а не телефон позвонить стрелнул.

– Ха, это тебе сейчас так кажется, а вот часам к трём ночи начнёт рубить, и никакой кофе не поможет, – весело угрожает коллега.

– И чем спасаетесь? – болтаю, не забывая переодеваться.

– Энергетиками и контрастным душем.

Я ежусь. Не хочется ни холодной водой обливаться, ни химию в себя заливать.

– Можно ещё приседать, – выдвигаю я менее радикальный способ борьбы со сном.

– Можно, – соглашается Зоя, – но есть у меня и хорошая новость. По моим приметам, ночь сегодня будет спокойная, и Миша нам разрешит даже по паре часов поспать.

Выходим с Зоей вместе и идём принимать дела. Готовимся бездельничать, но не тут-то было! В холл, не побоюсь этого слова, врывается Богдан Вязьмин и, раздувая ноздри от ярости, несётся напрямик к нам. Смотрит при этом исключительно на меня.

– Добрый вечер, Богдан Алексеевич, – радушно встречает его Зоя.

По ней и не скажешь, что происходящее как-то выходит из рамок нормального общения резидентов с ассистентами. Я даже какой-то короткий миг думаю, что мне примерещилось плохое настроение скульптора, что я просто нагнетаю, но нет.

– Отойдем поговорим, – цедит Вязьмин, глядя на меня исподлобья.

И я пугаюсь, даже руки начинают дрожать.

– Богдан Алексеевич, Маргарита в чем-то вчера провинилась? – вырастает откуда ни возьмись Михаил. – Я старший менеджер смены. Смело можете мне рассказать, что случилось, и мы это исправим.

Я лихорадочно вспоминаю, к чему Вязьмин мог прицепиться – ни одной мысли!

– Миша, я просто хочу у Маргариты кое-что уточнить без свидетелей, – отвечает на предложение менеджера скульптор чересчур ласково. – Я что, не имею на это право? Я у вас там, в списках, отмечен как буйный?

Хоть бы не скандал, хоть бы!

– Как вы могли такое подумать?! Конечно, нет! – опирается Михаил с неизменным достоинством.

– А раз нет, то и не встречай, когда не просят, – отрезает резидент, – если я захочу пожаловаться на кого-то, я это сделаю. А сейчас я хочу поговорить с Марго.

Кошусь на Михаила, и он мне еле заметно кивает, чтобы шла. Замечаю распахнутые от удивления глаза Зои. Ох, чувствую, не избежать мне взбучки. Не то от Вязьмина, не то от Михаила, не то от всех сразу. Но делать нечего, выхожу из-за стойки и бреду за Богданом Алексеевичем в лобби. Сейчас там ни души, и это скульптора полностью устраивает. Он оставливается, разворачивается ко мне, но на красный кожаный диван сам не садится и мне не предлагает. Видимо, разговор у нас будет короткий.

– Я видел вас в кустах! – обвиняет Богдан Алексеевич так эмоционально, будто и вправду видел в тех кустах что-то крамольное.

Кого и в каких кустах он видел, я, разумеется, сразу понимаю и не отпираюсь.

Я вскидываю брови, не переставая любезно улыбаться.

– Вы имеете в виду, что видели, как Григорий Эрнестович одолжил у меня телефон?

– Именно! – торжествует, будто я созналась во всех преступлениях мира.

– И зачем мне эта информация, простите? – уточняю.

– Гриша там ждал именно тебе, а значит, вы с ним близки. Ты меня обманула, поэтому обязана попросить его мне позировать.

Вот это номер! Вот это логика! Нет, кто бы мне что ни говорил, а Вязьмин с головой дружит плохо.

– Да ничего подобного! Я его три раза в жизни мельком видела! – отпираюсь возмущенно.

– Но он выделил тебя из всех. Я наблюдал за ним и видел это своими глазами. Так что обеспечь мне в мастерской голого Гесса, и я найму тебя личным ассистентом. – Да боже помилуй! – А откажешься – прямо сейчас пойду и напишу жалобу, что ты гуляла по моей квартире и трогала коллекционные вещи.

– Неправда! – я даже голос повышаю от несправедливого обвинения.

– Правда, правда. А одну вообще разбила!

Ну вот, приплыли. Какой жуткий шантаж! Откажусь – получу проблемы от начальства, возможно, даже уволят. Соглашусь – придется идти с просьбой к Гессу, а это опять нарушение инструкций и проблемы с начальством. Но это полбеды. Дальше лучше: я либо получу от Гесса отказ и, как следствие, удар по самооценке в очередной раз. Либо, если он согласится. Тогда станет ещё хуже! Вязьмин предложит мне личный контракт! А я даже не знаю, за какие деньги на такой подвиг готова.

– Хорошо. Я с ним поговорю, – принимаю единственное на этот момент правильное решение, – как только Григорий Эрнестович вернется, сразу и поговорю.

– Вот и умница! Но только он сегодня уже не вернется. А потом у тебя выходные. Так что готовь речь для разговора с ним к следующей смене, – заявляет со знанием дела Вязьмин.

А настроение скульптора опять меняется на глазах. Он буквально расцветает, превращаясь из маньяка в душку, и, напевая под нос незнакомую мне песню, идет в сторону ресторана. Напрочь позабыв о моем существовании! И о том, что неплохо было бы показать свою довольную рожу моему начальству, а то ведь мне сейчас придется самостоятельно доказывать Михаилу, что все в порядке.

Ох, мои нервы! Надо завтра хоть за валерьянкой в аптеку забежать!

Возвращаюсь. Начальство, разумеется, томится ожиданием за стойкой, как и остальной коллектив.

– Вы должны объясниться, Маргарита, – говорит менеджер строго и без всякого намёка на тепло в голосе.

Зоя смотрит с сочувствием, будто прощается. Но вот только я не собираюсь сдаваться так быстро. Мозги работают исправно и почти мгновенно генерируют правильный ответ.

– Конечно, никаких проблем! Вчера, Богдан Алексеевич был в подавленном состоянии, вы же помните?

– У меня отличная память. Продолжайте.

Продолжаю. Размышляю примерно так: за подтверждением моих слов к резиденту никто не сунется, а сам он и не подумает объясняться, поэтому фантазирую от души.

– Не знаю почему, но он поделился со мной своей бедой, и мы разговорились. Сами понимаете, подробностями поделиться не могу. Это был конфиденциальный разговор. – Михаил сухо кивает, принимая мою позицию. – Так вот я предложила Богдану Алексеевичу оформить личную заявку на мою помощь, и он вчера обещал над этим подумать. А сегодня вот решился.

Боже! Вот это меня понесло!

– Ого, второй день на работе, и уже личная заявка?! Сильна, мать! – восхищается Роман, ещё один ассистент из нашей смены.

– И где же она? Заявка? – а вот Михаил восторгаться мной не спешит.

– Богдан Алексеевич пошёл в ресторан обмыть успешную сделку, так сказать, – продолжаю сочинять в надежде, что успею перехватить скульптора и выставить свои условия сделки, – а на обратном пути он обязательно к нам подойдёт и всё оформит.

– Сомневаюсь. Обычно из ресторана его приносят, – бурчит Михаил.

Аллилуйя! Я чуть танец папуасов не танцую. Повезло мне! Возможно, к следующей смене все вообще забудется.

Глава 4

До утра всё идёт строго по предсказаниям: ночь выдаётся спокойная, Вязьмина заносят в лифт сотрудники ресторана примерно в два, рубить в сон начинает строго в три, а Гесс ночевать не является. Единственное, что не сбывается – пара часов спасительного сна. Вернее, сбывается, но Зоя явно преувеличила его значение. Мне по графику выпадает спать с четырёх до шести, и единственное, что я испытываю, когда приходит время подниматься – лучше бы не ложилась!

После пересменки еду домой с глазами, полными песка, и намереваюсь с порога завалиться в кровать и проспать до вечера. А ещё остаются силы тешить себя надеждами на то, что меня пронесло.

Но не с моим везением на это рассчитывать.

Звонок телефона раздается в полдень.

– Алло, – сонно бормочу в трубку, не открывая глаза.

– Ты что это, спишь, что ли? – выливается на меня ушатом холодной воды раздраженный мужской голос.

До боли в сердце знакомый, и вообще-то совершенно неожиданный. Чего ему не спится-то после пьянки?

– Откуда у вас мой номер, Богдан Алексеевич? – мигом просыпаюсь и сажусь в кровати.

Разве законно раздавать личные номера сотрудников алкоголикам-маньякам? Возмущению моему нет предела!

– А как же ему не быть, Маргарита? – раздаётся ехидное. – Личный заказ ассистенту никак без личного номера не сделать.

Охаю. Вот же... проклятье! Откуда он узнал про мои вчерашние фантазии?

– А что мне было говорить? Вы меня бросили под танки! – огрызаюсь, припоминая Богдану Алексеевичу его подлую подставу.

Ведь лучшее средство защиты – нападение.

– В общем, диктуй адрес. Я приеду, и обсудим наше дело! – вообще не раскаивается гадкий скульптор.

Очень хочется послать Вязьмина куда подальше и продолжить спать, но инстинкт самосохранения побеждает – проблем я не хочу, поэтому просто диктую адрес. Шантажист велит быть готовой через полтора часа и кладёт трубку, а я, кряхтя, поднимаюсь с кровати, чтобы успеть собраться.

Ох, не забыть бы в аптеку зайти за успокоительным. И ещё капли в глаза мне просто необходимы!

За полтора часа я успеваю привести себя в порядок и даже голову вымыть, а вот Богдан Алексеевич добраться по пробкам до моей глуши нет. Когда опоздание переваливает за пятнадцать минут, решаю всё же сходить в аптеку – она в соседнем доме.

Там очередь. Занимаю за бабушкой и, пока стою, взгляд сам собой натывается на витрину с презервативами... И почему-то вообще необъяснимым образом мне хочется купить хоть одну из представленных там ярких пачек. Пусть бы в сумке лежала... Хотя до этого мне и в голову ни разу в жизни подобное не приходило. Особенно манит к себе коробочка, на которой указан размер XXL.

Для викингов. Или Аполлонов... Мотаю головой, чтобы прогнать наваждение, и тут поёт телефон. Ну наконец-то! Доехал! Покидаю очередь, испытывая настоящее облегчение. А то кто меня знает? Вдруг, пока дошла бы до окошка, ещё что-то надумала купить такое эдакое? В общем, на улицу аж выбегаю.

– Да, слушаю! – рывкаю в трубку. – Я возле аптеки, сейчас буду. Вы на какой машине? – но не успеваю договорить, как сама понимаю, на какой машине приехал Вязьмин.

Длинный белый лимузин занимает весь наш двор. На таком только безумный гений может приехать в спальный район столицы в обед буднего дня. Спешу скорее прыгнуть в машину, потому что боюсь за свое здоровье. Соседи увидят, по чьей вине заблокированы въезды и убьют меня, не задумываясь.

Водитель в ливрее ждёт у двери и, как только я скрываюсь в недрах огромного салона, занимает свое место за перегородкой, чтобы влиться в поток машин на проспекте.

– Пить будешь? – дружелюбно спрашивает Вязьмин, бултыхая льдом в роксе.

– Нет, и вам не советую, – отрезаю раздражённо.

Я не на работе и не обязана одобрять чьи-то запои.

– Это квас, Рита, но мне нравится твой подход к делам!

А мне вот вообще ничего из происходящего не нравится, но выбора нет. Если откажусь тут с ним сидеть и слушать безумные идеи – уволят к чертовой матери!

– Куда мы едем? – тон не меняю.

– Просто катаемся. А во время этого катания и поговорим без лишних ушей.

Не, я не рассчитывала, конечно, на ресторан, думала, в парке на лавочке посидим или ещё где-то, но к подобной конспирации была не готова. Мы будто банк грабить замыслиаем, а не собираемся обсудить простую просьбу к Гессу.

Проскальзывает мысль: а не заразилась ли я безумием от Богдана Алексеевича? Еду куда-то с ним в машине планировать сомнительные авантюры и почему-то не чувствую страха. Вполне возможно! К покупке капель, успокоительного и презервативов мысленно добавляется поход к психиатру.

– О чем вы хотели поговорить? – спрашиваю, смирившись с тем, что имею.

Вязьмин с ответом не спешит, пьёт свой квас и выглядит сейчас опять по-новому. Теперь мне кажется, что ему лет сорок, а не пятьдесят, и он безобидный поэт-романтик. У него так быстро настроение меняется, что я чувствую себя немного растерянной.

– Есть ли у тебя мечта, Маргарита? – наконец, находит он слова.

Мечта у меня, конечно, есть. Как не быть? Я мечтаю зарабатывать много денег. Хочу стать самодостаточной и независимой. В идеале открыть свою фирму, раскрутиться и жить на широкую ногу. Квартиру хочу собственную и машину. А ещё маму из деревни забрать. Или же, если не захочет уезжать, хотя бы построить ей новый дом со всеми коммуникациями. И обеспечивать её хочу, чтобы не приходилось больше работать. Но, боюсь, меня не поймут, если я это озвучу.

– Учиться хочу. Есть один замечательный курс, который я мечтаю пройти. Вот на него и зарабатываю в консьерж-сервисе, – озвучиваю ту мечту, что лежит на поверхности, и которую не стыдно огласить в приличном обществе.

– Похвально, – кисло хвалит скульптор, – вот и у меня есть мечта. Всю жизнь я мечтаю найти своего идеального Аполлона. И вот нашёл. Но... Он от меня постоянно ускользает. А я болею им, я одержим! Понимаешь?

– Наверное, – пожимаю плечами.

– Я очень богат, Рита, очень. И я легко могу осуществить твою мечту. Да все твои мечты! Но ты мне должна помочь осуществить мою.

– Ну мы вроде бы этот вопрос решили ещё вчера, Богдан Алексеевич, – ворчу я, сворачивая разговор ближе к теме. – Вы же узнали о заявке каким-то образом и, вероятно, её сделали, раз получили мой номер.

– О, да, – с готовностью соглашается он, – и тут мы переходим непосредственно к теме заявки. Не думаю, что Гриша легко согласится передо мной раздеться, так что решил подстра-

ховаться и предоставить тебе время на его уговоры. Я заказал тебя на три твоих выходных дня как натурщицу. Жду завтра к трём. Охрана в курсе.

Я без сил падаю на спинку кожаного дивана в немом шоке. Обалдел?! Я? Натурщицей? Что это он имеет в виду?

– В каком смысле? – с трудом нахожу в себе силы прояснить ситуацию спокойно.

Богдан Алексеевич окидывает меня с ног до головы скептическим взглядом и непочтительно фыркает.

– Не в том, в котором ты себе придумала, Рита. На идеальную Венеру ты не тянешь – формами не вышла. – Я чисто на автомате сажусь ровно и выпячиваю грудь. Не то чтобы я мечтала стать его Венерой, просто формы у меня вполне приличные! Нечего наговаривать на мою двоечку! – Да и не хочу я её сейчас творить.

– Тогда, боюсь, я не понимаю смысла в ваших действиях.

– Не разочаровывай меня! Я думал, ты умная, – укоризненно качает головой мой наниматель. – Таким образом ты получишь возможность находиться в доме и поймать Гришу в удобное время и в хорошем расположении духа. А как бы ты это делала во время работы?

Как, как... Отвела бы в сторону и спросила. И уж точно не ловила бы Гесса по тёмным углам. Мысль кидается в этот самый тёмный угол, а потом уносится дальше, дальше, развивается там... Где-то внизу живота вспыхивает жар предвкушения... Да, блин же горелый!

– Я не понимаю, почему вы делаете из этого такую трагедию? – хмурюсь умышленно, чтобы Вязьмин не заподозрил меня в развратных фантазиях.

– Ты плохо знаешь Гришу, девочка. Он совсем не такой, каким кажется. А ещё он ярый гомофоб! Напрочь лишён толерантности. Он ни за что не разденется перед мужчиной.

– Да бросьте вы! Он что, даже в баню не ходит? – позволяю себе усомниться в подобных обвинениях.

– А при чем тут это? Баня это не то. Мне Гриша нужен, так сказать, в полной боевой готовности, если ты понимаешь, о чем я.

О, я понимаю! Прекрасно понимаю! От этого понимания заливаюсь краской и тарашусь на Вязьмина с ужасом.

– И вы предлагаете мне её обеспечить? – выдыхаю еле слышно. – Боевую готовность его мужского достоинства?

– Ещё чего! Творчество – процесс интимный, и ты мне во время сессий в мастерской не нужна! – чуть ли не переходит на фальцет Вязьмин. – Просто уговори его и всё.

Я вообще перестаю что-либо понимать.

– Если сделать это так сложно, как вы утверждаете, то каким образом я должна его уговорить?

Вязьмин раздражённо ставит пустой стакан на столик из красного дерева.

– Ты дала ему телефон для секретного звонка. Ты слышала секретный разговор. Он предложил тебе вознаграждение и заявил, что твой должник, – раскладывает мне всё по полкам, как идиотке. – Все карты у тебя на руках. Действуй.

– Вы предлагаете ему угрожать? Я никогда на это не пойду, и пусть меня уволят! – заявляю решительно, задираю подбородок и отворачиваюсь от психа.

– Пятьдесят тысяч зелёных и моя лояльность, – оглушает суммой скульптор, и я непроизвольно опять разворачиваюсь к нему лицом. Он улыбается и поясняет: – Под лояльностью я имею в виду свою помощь. Любую. Я могу предложить тебе должность моего личного ассистента. Могу порекомендовать кому-то из знакомых. Поверь, у меня огромные связи.

Да он мне прямо руки выкручивает! Как отказаться от такого?! Мало того что этой суммой мне хватит заплатить за обучение и останется на жизнь, так ещё и помощь...

– По рукам! – прыгаю я в омут с головой.

– Вот и ладушки! – радуется мой поделщик.

Богдан Алексеевич опускает перегородку, велит водителю отвезти меня обратно, и тут у меня опять звонит телефон. Кидаю взгляд на экран – это с работы. Трубку беру с опаской. Я пока ещё не успела обдумать, как на подобную странную заявку от резидента отреагирует начальство.

– Маргарита Удачина, слушаю, – услышав мою фамилию, скульптор довольно хмыкает.

А вот я бы про Удачину поспорила. Мне вообще-то всю жизнь не везёт, поэтому не могу разделить радость с Вязьминым.

– Это Николай, старший менеджер сегодняшней смены. Надеюсь, не разбудил?

Ага, поспишь тут с вами!

– Нет, все в порядке.

– Отлично. Дело в том, что резидент из тридцать восьмой квартиры Вязьмин Богдан Алексеевич сделал заявку на ваши индивидуальные услуги, но мы не можем её принять без согласования с вами. Услуга несколько...

– Да-да, я в курсе, – избавляю Николая от неловких объяснений, – мы с ним это обсуждали.

– Тогда завтра перед тем, как приступить к выполнению, подойдите к старшему третей смены Анатолию ознакомиться с инструкцией и поставить подпись, – голос менеджера звучит ровно, осуждения вроде не слышно.

Может, и обойдётся.

– Непременно, Николай. Спасибо, что позвонили.

Водителя Вязьмина я прошу во двор не заезжать, а высадить меня на проспекте, и прощаюсь с Богданом Алексеевичем до завтра.

А дома начинаю-таки подготовку к заданию с очень важного дела – ищу на Гесса информацию в сети. Только вот меня на этом поприще постигает неудача: ничего полезного или секретного в открытом доступе нет. Только общие сведения. Григорий Эрнестович Гесс: тридцать один год, не женат, постоянной спутницы нет. Золотой мальчик, которому повезло родиться в богатой семье. Но в отцовской фирме он не работает, живёт на баснословное состояние деда по матери, которое получил в наследство. Предположительно вкладывает деньги в ценные бумаги и занимается продюсерством. Ещё по сети ходят слухи о его закрытых вечеринках, но ничего конкретного про них нет – ни фото, ни показаний свидетелей. В публичных скандалах не замечен. На интервью языком не мелет. Опять же, по слухам, отношений с отцом Григорий практически не поддерживает.

Потираю лоб ладонью. М-да, прав Вязьмин. Первое впечатление о Гессе оказывается обманчивым. Григорий явно не легкомысленный раздолбай, а только им прикидывается.

Копая дальше.

Про Эрнеста Гесса тоже информации в сети мало: владелец заводов, газет, пароходов, шестьдесят пять лет. А вот мачехе Григория двадцать семь. И младшему брату три года.

Наверняка новоявленный Аполлон поэтому с папкой и не общается! Думал, все ему достанется, а тут конкурент родился. Да и жена у отца в таком возрасте, что успеет ещё пяток новых наследников родить.

Ну и про маму Григория тоже скудная информация нашлась: Софья Гесс умерла, когда сыну было десять.

Тут мне красавчика-викинга так жалко стало, что слезы на глазах навернулись. Бедняжка, видимо, тяжело ему пришлось, раз таким вырос... Таким большим, красивым и богатым! Ага, ага! Прям обнять и плакать. Что за размазня я такая?

Решительно утираю слезы, отбрасываю телефон и принимаюсь мечтать о своём приближающемся богатстве, курсах и наступлении скорой счастливой жизни. Мечты – это то, что я люблю и умею делать. Это куда интереснее, чем жалеть всяких успешных миллиардеров.

Глава 5

– Ну наконец-то! А ты чего в таком виде? – прямо с порога сшибает меня с ног напор Богдана Алексеевича.

Хлопаю ресницами недоуменно. Я позвонила в дверь его квартиры ровно в три, как он и назначил. А на работу вообще приехала заранее: получила инструкции, расписалась в том, что их получила, переоделась в форму – про неё в инструкции строго-настрого прописано – и поднялась по служебной лестнице на четвёртый этаж. Что его не устраивает?

– Это форма работника консьерж-сервиса, находится в «Созвездии» я могу только по форме, – объясняю, одновременно показывая скульптору экран телефона со светящимся табло времени.

Богдан Алексеевич закатывает глаза, как какая-нибудь гламурная фифа, а не взрослый дядька.

– Хорошо, что у меня есть гардеробная! – продолжает удивлять заявлениями. – А то ведь в таком виде ты все дело завалишь. И пошевеливайся! У нас мало времени!

Скульптор тянет меня через порог в квартиру и буквально тащит в одну из комнат. А там! Там у него действительно гардеробная. Женская. Смотрю с подозрением, но вот обвинить Вязьмина в любви к переодеваниям не выходит. Размеры у нарядов разные, только он ни в один не влезет.

– Так... так... – проходит скульптор между рядами стоек и начинает перебирать вешалки. – Вот! – останавливается на маленьком чёрном платье. – Вот это надевай быстро и выходи, буду дальше над тобой работать. Тебе через тридцать минут надо быть на подземном паркинге.

Боже, что происходит-то? Я ничего не понимаю!

– Стоп, Богдан Алексеевич! Минутку! Я пока опущу вопрос «зачем?» и напомним, что вы наняли меня натурщицей. Так в заявке прописано. Я не имею права ходить по дому в обычной одежде, да и вообще в принципе ходить с неясными целями. Что, по-вашему, я должна сказать начальству, если вдруг меня спросят: какого, Рита, чёрта, ты заявила на парковку в коктейльном дизайнерском платье?

– Дерьмо! – с чувством ругается Вязьмин и лезет в карман за телефоном. – Васька, дуй сюда! – рывкает в трубку и тут же убирает аппарат. – Тогда переходим к плану «Б». Волосы хоть распусти.

– И не подумаю! – упираюсь я. – Теперь пришло время того самого вопроса: зачем?

Скульптор тяжело вздыхает и удосуживается объяснить:

– Я все рассчитал. В пятнадцать тридцать Гриша вернётся в «Созвездие» – он уже в дороге...

– Вы что, за ним следите? – выдыхаю я и руку к груди прикладываю.

По-моему, это уже совсем зашквар. Бедный Гесс.

– Конечно, слежу! А как иначе? – не смущается сталкер и будто удивляется моему глупому вопросу. – Не перебивай. Так вот... сейчас вы с Васькой – это мой водитель – поедете как будто в магазин, а потом вернётесь одновременно с Гришей, там ты его в лифте и поймаешь.

– В лимузине в магазин поедет? – пишу.

Не то чтобы меня больше всего волновало, на какой машине я должна изобразить поездку, я просто в шоке от коварства скульптора и его стремительных решений, поэтому мелю чушь.

– Да зачем? На «Феррари» езжайте, – совершенно не понимает моего состояния Вязьмин. – И купи что-то тяжёлое! Гришка джентльмен, он обязательно кинется тебе помогать. А

начальству своему скажешь, что я отправил тебя за... Не знаю, придумай зачем, но оно мне потребовалось для вдохновения. А?! Как тебе план? Разве я не гений?

Сто процентов гений! Злобный и порочный. Вот не повезло-то мне вляпаться.

– Хорошо, – бурчу урюмо.

– Волосы-то распусти, – возвращается к моей внешности Вязьмин, критически её оглядев. – Раз с одеждой пока не выйдет, ударим по другим козырям.

Я нехотя распускаю пучок. Точно знаю: не сделаю сама – Богдан Алексеевич мне поможет. Встряхиваю волосами. Вернее, я осуждающе качаю головой, но выглядит это, как будто я волосы поправляю. Сказать ничего не успеваю, потому что раздаётся звонок в дверь. Это водитель. Скульптор быстренько ставит перед ним задачу и выставляет нас за порог. Мы молча с Василием переглядываемся и спешим в служебный лифт. На часах пятнадцать часов двенадцать минут.

– Так-то он не злой. И отходчивый, – успокаивает меня Вася, как только кабина приходит в движение. – Не бойся его, Рит.

– Да я не боюсь, – сознаюсь устало, понимая, что действительно испытываю рядом с Вязьминым что угодно, но только не страх. Привыкла, что ли? – Есть мысли куда поехать и что купить?

– А то! Тут строительный недалеко. До него доберемся, а покупать ничего не надо. У меня в багажнике есть два ведра декоративного бетона, их и возмёшь. Чего деньги тратить?

– И то правда. Тем более он мне их не дал, – соглашаюсь с планом водителя.

Мы благополучно спускаемся на подземную парковку, садимся в низкую жёлтую машину и покидаем «Созвездие», никем не остановленные. Может, меня не заметили, а может, не сочли мои передвижения странными. Без понятия. В любом случае потом узнаю, нет смысла заранее переживать.

Доезжаем до магазина «Дом для Дома» – он действительно буквально за углом комплекса – и стоим там минуты три, не больше. Василий молчит и вглядывается куда-то в дорогу, я к нему с разговорами тоже не лезу.

– Всё, пора, – вдруг оживает водитель и выворачивает руль на разворот к дому. – Прямо вовремя приедем! Как раз успеешь ведро достать.

М-да, кажется, Вася тоже в курсе моей миссии и совершенно не удивлён. А с виду взрослый серьёзный мужик. Впрочем, и скульптор с первого взгляда кажется нормальным, а вон какие задания раздает.

Заезжаем на парковку, как говорится, ноздря в ноздю: мы на своей желтенькой машинке первые, а Гесс на большом чёрном внедорожнике следом. Он ещё и паркуется рядом.

– Давай, Рита, поспеши, – торопит Василий, и я разворачиваюсь всем корпусом на кожаном сиденье, как только открывается дверь.

Хорошо ему говорить поспеши! Пусть бы сам попробовал вылезти из низкой машины в узкой юбке и на каблуках! Чувствую себя каракатицей, пытаюсь выбраться, и, конечно же, своими нелепыми телодвижениями привлекаю внимание Гесса. Он сидит в своей машине и свысока за мной наблюдает. Внимательно так. И с улыбкой!

Наверное, для дела это хорошо, но его довольное лицо добавляет мне злости, и я, наконец, встаю на покрытие ногами. Выпрямляюсь и задираю подбородок. Делаю вид, что Григория не вижу и иду прямоиком к багажнику, который Василий учтиво открывает, не вылезая из автомобиля. Хватаю два беленьких ведерка – других тут нет, значит, это и есть бетон – и гордо тащу их мимо Гесса, который так и сидит в машине, к служебному лифту.

Черт! Чувствую себя селянкой, что по воду пошла, только коромысла не хватает. Но что делать-то? Григорий ведь не торопится мне помогать, хотя его взгляд в спину я хорошо

ощущаю. Может, мне стоит поставить ведра на пол и поправить туфлю? Сделать вид, что туда попал камешек!

Нет! Слишком палевно! Дешёвый приём.

Да и ладно! Ничего вообще делать не буду. А Вязьмину скажу: извиняйте, Богдан Алексеевич, сделала что могла – Василий свидетель.

– Зая, куда ты так помчалась? – останавливает меня голос Гесса. Не выдержал, все-таки, джентльменство победило. – Давай я тебе помогу.

Медленно поворачиваюсь – он разговаривает со мной через открытое окно – и делаю удивлённое лицо.

– Григорий Эрнестович? Здравствуйте, а я вас и не заметила, – вру без зазрения совести. – Спасибо за предложение, но ничего страшного, поверьте, я донесу.

На последних словах немножко морщусь, будто у меня и вправду в руках два двадцатилитровых ведра, а не маленькие ведёрки по килограмму максимум.

– Э нет. Я тогда ночью спать не буду, – Гесс закрывает окно машины, ловко выбирается из авто и идёт ко мне.

Бросаю мимолетный взгляд Григорию за спину и вижу, как Вася показывает мне два больших пальца. Молодец, мол, девочка. Справилась на отлично!

Ага-ага, сама знаю, что я молодец. Ну а дальше-то что?

Жертва скульптора отбирает у меня ношу и разворачивается к клиентскому лифту.

– Спасибо вам большое, мне так неловко, я бы и сама до тридцать восьмой их донесла, – иду за ним следом, невзначай рассекречивая конечный пункт маршрута.

Может, если я доставлю Гесса вот прямо сейчас к Вязьмину в квартиру, скульптор от меня отстанет и дальше справится сам?

Нажимаю кнопку вызова – у Григория же руки заняты, – и двери кабины мгновенно открываются.

Заходим, и я жму на кнопку четвёртого этажа. Стою, совершенно не ожидаю подвоха, обдумываю, что бы такое будущему Аполлону сказать. А он смотрит на меня в это время так, будто съесть хочет, и мои мысли путаются. На меня ещё никто так не смотрел. Теряюсь, не знаю, куда себя деть и, наверное, краснею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.